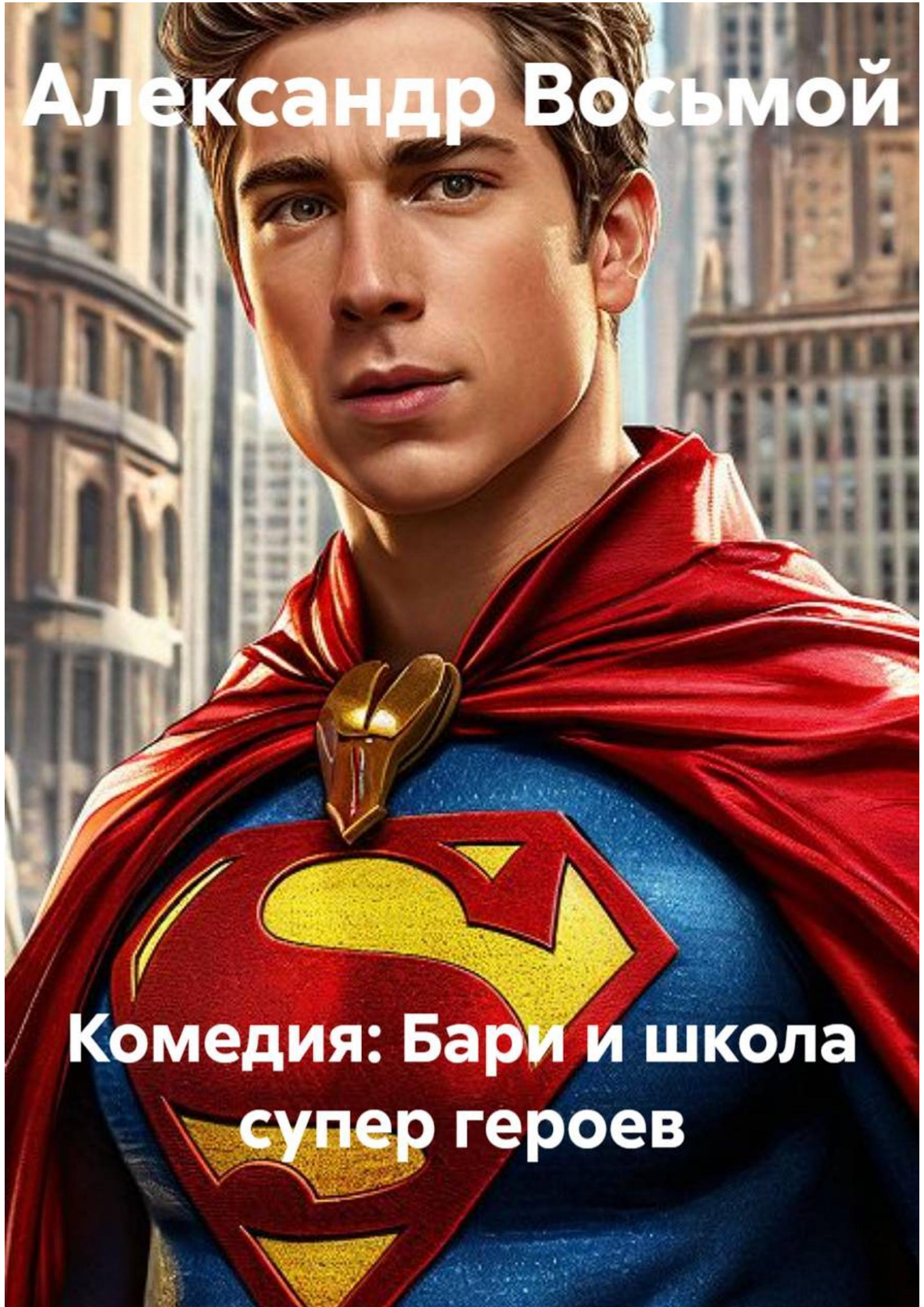

Александр Восьмой

**Комедия: Бари и школа
супер героев**

Александр Восьмой

**Комедия: Бари и
школа супер героев**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия: Бари и школа супер героев / А. Восьмой — «Автор», 2026

Бари и школа супергероев: почему я не прошёл тест на крутость. Бари попадает на секретные курсы для будущих супергероев, но у него нет ни суперсилы, ни харизмы, ни даже умения завязывать плащ. Зато у него есть упорство и способность попадать в неприятности с эпичной регулярностью. Тёплая, смешная и мотивирующая история о том, что героем может стать каждый.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия: Бари и школа супер героев

Глава 1. «Первый шаг в легенду: или как я перепутал вход в академию с доставкой пиццы»

Бари стоял перед массивной аркой из тёмно-серого камня, на которой висела табличка с витиеватой надписью: «Академия „Алый Щит“: вход строго по пропускам». Он прищурился, почесал затылок и пробормотал:

— Ну, выглядит как пункт выдачи... Наверное, тут пиццу отдают.

В тот день у Бари был план: забрать заказ, вернуться домой, съесть всё под новый эпизод любимого сериала и забыть, что мир вообще существует. Но мир, похоже, не хотел быть забытым.

Он решительно толкнул тяжёлую дверь — и та распахнулась с таким грохотом, будто в здании только что объявили о вторжении армии титанов. В холле было пусто, но не спокойно: воздух пах озоном, металлом и чем-то подозрительно похожим на перегретый тостер. В центре зала возвышалась странная панель с мерцающими кнопками — будто пульт управления судьбой, только очень пыльный.

Бари огляделся.

— Эй! — крикнул он, стараясь звучать уверенно. — Я за пиццей! Двойная пепперони, без лука!

Тишина ответила ему эхом, а потом — внезапно — завывла сирена.

Красная лампочка на панели вспыхнула, закружилась, и по коридорам пополз густой искусственный дым. Где-то сверху щёлкнуло, лязгнуло, и из потолка выдвинулись металлические пластины, перекрывая выходы.

— Так, ладно, — пробормотал Бари, пытаясь сохранить спокойствие. — Наверное, это такая акция: «Забери пиццу — пройди квест».

Он попятился, споткнулся о собственный кроссовок и врезался плечом в ту самую панель. Пальцы скользнули по кнопкам. Ещё один щелчок. Ещё одна сирена — на этот раз басовитая, будто её издавал разъярённый кит.

Через секунду в холл ворвались трое: двое в облегающих костюмах с эмблемами на груди и один в длинном плаще, с лицом, которое явно не привыкло улыбаться.

— Учебная тревога номер семь! — рявкнул мужчина в плаще. — Кто активировал протокол «Тень»?

Все трое уставились на Бари.

Тот замер, сжимая в руке чек из приложения доставки.

— Я... я просто хотел забрать пиццу, — пролепетал он.

Плащеносец медленно опустил руку с каким-то футуристическим устройством.

— Ты запустил три уровня тревоги, деактивировал два датчика и случайно открыл шлюз в тренировочный сектор «Бета».

— Это... это потому что я очень целеустремлённый? — робко предположил Бари.

Один из курсантов в облегающем костюме хихикнул, но тут же сделал вид, что закашлялся.

— Целеустремлённость, — протянул плащеносец, словно пробуя слово на вкус. — Или полное отсутствие инстинкта самосохранения.

Бари сглотнул.

— Наверное, и то, и другое.

Мужчина в плаще прищурился. Потом неожиданно хмыкнул.

— Знаешь, у нас тут как раз ищут тех, кто умеет создавать хаос. Не специально, конечно. Но ты... ты превзошёл все нормативы.

— То есть... мне дадут пиццу? — надеялся Бари.

— Пиццу не дадим, — строго сказал мужчина. — Но дадим шанс. У нас есть «тест на крутость». Пройдёшь — будешь на курсах. Не пройдёшь... ну, хотя бы узнаешь, как выглядит настоящая супергеройская паника изнутри.

Бари посмотрел на дымящиеся коридоры, на мерцающие панели, на троих людей, которые явно привыкли спасать миры, и вдруг почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло — не кнопка, а, возможно, крошечный, очень робкий огонёк решимости.

— А если я опять что-нибудь нажму? — спросил он.

— Тогда мы точно будем знать, что ты наш человек, — усмехнулся плащеносец.

И вот так, среди дыма, сирен и собственных сомнений, Бари сделал первый шаг в легенду. Не потому что был сильным, быстрым или харизматичным. А потому что оказался в нужном месте в самое неподходящее время — и не сбежал.

Когда дым рассеялся, а сирены утихли, мужчина в плаще протянул ему карточку с надписью: «Бари — пробный доступ. Не нажимать ничего без разрешения».

Бари бережно взял её, как будто это был не кусок пластика, а ключ к чему-то большому.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— Пока не за что, — ответил мужчина. — Посмотрим, что ты сможешь сделать, когда всё будет спокойно.

Но Бари уже знал: спокойствие — это не про него.

Глава 2. «Теория суперсилы: лекция, после которой всё пошло не так»

Лекционный зал Академии «Алый Щит» напоминал гибрид научного центра и сцены для эпичного блокбастера: ряды кресел плавно спускались вниз, как трибуны арены, а в центре возвышалась кафедра из полированного металла с мерцающими экранами по бокам. На стенах висели голографические портреты легендарных героев — они периодически моргали, будто следили за каждым студентом.

Бари втиснулся на крайнее место в последнем ряду, стараясь выглядеть как человек, который точно сюда и собирался, а не тот, кто чудом не оказался в комнате для хранения швабр. В руках он сжимал блокнот, ручку и крошечный батончик — на случай, если лекция окажется слишком невыносимой даже для его героической натуры.

Профессор Вектор, высокий мужчина с идеально уложенными волосами и взглядом, способным, казалось, пробивать стены, постучал по микрофону.

— Сегодня мы разберём классификацию суперспособностей, — объявил он, и голос его прозвучал так, будто каждое слово было отполировано до блеска. — Это фундамент, на котором строится вся наука о героизме.

На экране вспыхнула схема: «Телекинез», «Пирокинез», «Эмпатия», «Сверхскорость» и ещё десяток терминов, от которых у Бари в голове начинался тихий хаос.

Он склонился над блокнотом и старательно вывел: «Теле... что-то... это когда двигаешь вещи силой мысли». Потом задумался и приписал ниже: «Или это телемагазин? Там тоже вещи двигаются... к тебе домой».

Профессор тем временем продолжал:

— Телекинез — способность перемещать объекты усилием воли. Классический пример: герой поднимает машину одной рукой, чтобы спасти ребёнка.

Бари поднял руку.

— Простите, а если я подниму коробку с пищей, это считается?

В зале кто-то хихикнул. Профессор на секунду замер, будто пытался понять, шутка это или серьёзный вопрос.

— Это считается проявлением здорового аппетита, — сухо ответил он. — Но не суперсилы.

Бари кивнул, делая пометку: «Не путать пиццу и подвиги».

Лекция шла дальше. Профессор перешёл к эмпатии.

— Эмпатия — это способность чувствовать эмоции других людей, понимать их состояние, сопереживать.

Бари снова поднял руку.

— То есть это как эмблема? У меня на футболке эмблема кота, и все сразу понимают, что я добрый.

Теперь уже не хихикнули — захохотали. Даже профессор едва сдержал улыбку, хотя тут же снова принял строгий вид.

— Нет, эмпатия — это не эмблема. Это внутреннее чувство.

— А если эмблема очень выразительная? — не унимался Бари. — Ну, там, кот с грустными глазами...

Кто-то из одноклассников прошептал: «Он либо гений абсурда, либо наш новый талисман».

Профессор вздохнул и продолжил, стараясь вернуть аудиторию к серьёзному тону:

— Теперь рассмотрим пирокинез — управление огнём.

Бари тут же записал: «Пиро... это про пироги? Или про кинжалы? Или это когда кидаешь пироги?»

Он поднял руку в третий раз.

— А можно пример попроще? Ну, чтобы я точно понял.

Профессор посмотрел на него так, будто пытался мысленно переместить Бари на первый ряд — силой воли.

— Пример: герой создаёт огненный вихрь, чтобы остановить лавину.

Бари почесал нос.

— А если я разожгу костёр, чтобы пожарить маршмеллоу, это считается тренировкой?

Смех прокатился по залу, как волна. Но в этом смехе уже не было насмешки — скорее, облегчение. Будто Бари снял напряжение, которое висело в воздухе.

И тут случилось неожиданное.

Профессор вдруг остановился, посмотрел на Бари и медленно кивнул.

— Знаешь, в твоём вопросе есть зерно истины. Мы часто усложняем то, что можно объяснить простыми вещами. Герой, который спасает мир, тоже начинал с чего-то маленького. Может быть, с костра. Может быть, с желания помочь.

Зал затих. Даже те, кто до этого хихикал, теперь смотрели с интересом.

— Суперсила, — продолжил профессор уже мягче, — это не только про масштаб. Это про намерение. Про то, что ты делаешь, когда можешь пройти мимо, но не проходишь.

Бари замер, держа ручку над блокнотом. Он не знал, что ответить, поэтому просто кивнул. И в этот момент почувствовал, как что-то внутри него щёлкнуло — не кнопка, не панель, а что-то тихое, но важное.

После лекции к нему подошли несколько одноклассников.

— Слушай, ты реально умеешь ломать серьёзность, — сказал парень с ярко-синими волосами. — Но знаешь, после твоих вопросов даже сухая теория кажется... живой.

— Спасибо, — робко ответил Бари. — Я старался не уснуть.

Девушка с эмблемой молнии на куртке улыбнулась:

— Ты наш ходячий антистресс. Если будет слишком пафосно — зови.

Бари улыбнулся в ответ, чувствуя, как неловкость понемногу уступает место чему-то тёпловому — будто он наконец-то нашёл своё место, пусть и на краю последнего ряда.

Когда он вышел из зала, в голове всё ещё крутились странные термины, но теперь они казались не такими пугающими. Телекинез — это не про поднятие машин. Это про то, чтобы сдвинуть с места что-то важное. Даже если сначала ты путаешь его с телемагазином.

А впереди его ждали новые испытания. И, возможно, ещё одна попытка не перепутать эмпатию с эмблемой.

Глава 3. «Плащ, который не хочет быть плащом: первый урок экипировки»

Тренировочный зал «Алого Щита» был устроен так, будто кто-то решил совместить спортзал с театральной сценой: высокие потолки, металлические балки, ряды манекенов в позах героической решимости и в центре — платформа, на которой лежали плащи. Не обычные плащи, а «адаптивные полевые накидки» — так их гордо называл инструктор. Для Бари же это были просто куски ткани, которые, судя по всему, имели собственное мнение о том, где им положено находиться.

Инструктор Громов стоял у платформы, прямой, как линейка, и смотрел на группу так, словно уже мысленно вычёркивал тех, кто не справится с задачей «завязать узел и не устроить пожар».

— Плащ — это не просто ткань, — произнёс он с интонацией, которой обычно объявляют о конце света. — Это инструмент. Это щит. Это заявление миру: «Я здесь, и я готов».

Бари сглотнул. Ему казалось, что мир и так прекрасно знает, что он здесь. Особенно после вчерашней лекции, когда он перепутал эмпатию с эмблемой и стал неофициальным талисманом курса.

— Сегодня вы научитесь базовому навыку: правильно надевать, фиксировать и использовать плащ в полевых условиях. Начнём с простого — узел «геройский двойной». Кто справится первым, получит дополнительные баллы к тесту на крутость.

Группа дружно напряглась. Кто-то достал из рюкзака схему узлов, кто-то начал разминать пальцы, будто собирался вязать канаты голыми руками. Бари просто смотрел на плащ, который лежал перед ним, слегка подрагивая, будто в предвкушении битвы.

Он осторожно потянул за край. Ткань тут же скользнула, обвилась вокруг его запястья и попыталась уползти в сторону.

— Эй, полегче, — пробормотал Бари. — Я не враг.

Кто-то из одноклассников хихикнул. Бари сделал вид, что не слышал.

Он расправил плащ, накинул на плечи, потянул концы вперёд — и тут ткань решила, что её истинное предназначение — быть скатертью. Она плавно опустилась на пол, аккуратно прикрыв носки его кроссовок.

— Нет-нет-нет, — запротестовал Бари. — Ты плащ, а не сервировка!

Он снова поднял ткань, попытался завязать узел. Концы не хотели соединяться: они скользили, выкручивались, один вообще улетел вверх и зацепился за вентиляционную решётку. Бари потянулся, подпрыгнул, дёрнул — и в этот момент плащ резко рванул вбок, обмотался вокруг его шеи и потащил вперёд, как упрямый шенок на поводке.

Бари врезался в манекен, отскочил, запутался ещё сильнее, и через секунду он уже напоминал гибрид мумии и человека, который очень хочет дышать.

— Спокойно, — рявкнул инструктор Громов, подходя ближе. — Не тяните. Ткань реагирует на напряжение. Чем сильнее вы боретесь, тем активнее она сопротивляется.

— Она... она живая? — просипел Бари, пытаясь ослабить петлю.

— Адаптивная полимерная структура с датчиками давления и температуры, — сухо пояснил Громов. — Но да, иногда кажется, что у неё есть характер.

Бари замер, стараясь расслабить плечи. И вдруг почувствовал, как ткань чуть ослабила хватку. Он медленно, очень медленно потянул один конец, потом второй — и узел, к его удив-

лению, начал складываться сам собой, будто плащ наконец понял, что Бари не собирается его душисть.

Через минуту Бари стоял, выпрямившись, с плащом на плечах — не идеально, но надёжно. Концы лежали ровно, ткань не пыталась сбежать, а просто мягко облегла плечи, как будто смирилась с неизбежным.

— Неплохо, — кивнул Громов. — Для первого раза.

Бари выдохнул, чувствуя, как адреналин потихоньку уходит, оставляя после себя странное удовлетворение.

— Спасибо, — сказал он. — Я думал, мы будем драться до последнего шва.

Громов чуть приподнял уголок губ — почти улыбка, но не совсем.

— В этой академии иногда именно так и бывает. Ткань, стены, двери — всё имеет своё мнение. Главное — не пытаться победить любой ценой. Иногда достаточно договориться.

В этот момент из вентиляции выпал тот самый конец, который зацепился раньше. Он спланировал прямо на голову Бари, мягко накрыл его, как капюшон, и остался там, будто решил: «Ладно, ты нормальный. Будем работать вместе».

Группа снова захихикала, но теперь в этом смехе не было насмешки — скорее, облегчение и даже какое-то уважение.

— Видишь, — сказал парень с синими волосами, подходя ближе. — Даже плащ тебя признал.

— Или просто устал бороться, — усмехнулся Бари.

— Иногда это одно и то же, — вставил Громов. — Запомните: герой — это не тот, кто никогда не падает. Это тот, кто снова встаёт. И завязывает узел. Даже если ткань против.

Остаток занятия Бари старался не провоцировать плащ. Он учился двигаться так, чтобы ткань не воспринимала каждый взмах руки как объявление войны. И, к собственному удивлению, у него начало получаться. Плащ больше не пытался сбежать, не обвивался вокруг шеи и даже пару раз мягко развевался за спиной, когда Бари делал резкие движения — будто намекал: «Ну ладно, давай покажем этим манекенам, кто тут главный».

Когда занятие закончилось, Громов подошёл к Бари и кивнул на его плащ.

— Ты не сделал всё идеально. Но ты не сдался. Это уже кое-что.

Бари улыбнулся, поправил ткань — и на этот раз она не сопротивлялась.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я постараюсь, чтобы он больше не устраивал восстания.

— Пусть устраивает, — ответил Громов. — Главное — чтобы ты знал, как с ним договориться.

Выходя из зала, Бари чувствовал себя не супергероем, но и не полным неудачником. Он справился с плащом. Пусть не с первого раза, пусть с кучей ошибок, но справился. И это было почти эпично.

А плащ, будто соглашаясь, мягко шелестел за его спиной, как тихий шёпот: «Мы ещё повоюем. Но сегодня — мир».

Глава 4. «Тест на крутость: когда нервы важнее силы»

Коридор «Зоны испытаний» выглядел так, будто его проектировал человек, который слишком много думал о конце света: стены из ребристого металла, мигающие лампы, панели, которые то отъезжали в сторону, то с лязгом вставали на место, и воздух, пахнущий озоном и лёгким безумием.

Бари стоял у стартовой линии вместе с остальными курсантами. На нём был тот самый «адаптивный» плащ — теперь он держался смирно, будто после их прошлой битвы решил: «Ладно, сегодня я просто побуду тканью». Рядом переминался парень с синими волосами, а девушка с эмблемой молнии тихо повторяла про себя какую-то мантру.

Инструктор Громов вышел вперёд, в руке у него был планшет, а на лице — выражение, которое не обещало ничего хорошего.

— Сегодня мы проводим «тест на крутость», — объявил он, и слово «крутость» прозвучало так, будто это был официальный научный термин. — Это не про силу. Это про хладнокровие, скорость реакции и умение принимать решения, когда всё вокруг кричит: «Беги!»

Он коснулся экрана планшета, и коридор мгновенно изменился.

Сначала погас свет, и на стенах вспыхнули красные линии, очерчивая узкие проходы. Потом из потолка выдвинулись механические руки с мишенями, которые начали хаотично двигаться. А затем раздался голос — холодный, металлический, будто из фильма про восстание машин:

— Внимание. Испытание начато. Пройдите маршрут за три минуты. Не допускайте касания движущихся препятствий. Сохраняйте спокойствие.

Бари сглотнул. Спокойствие. Да, именно это он сейчас и чувствовал. Примерно как человек, который случайно зашёл на репетицию апокалипсиса.

Группа рванула вперёд. Бари попытался последовать за ними, но тут одна из панелей резко выдвинулась прямо перед ним, заставив его отскочить. Он споткнулся, чудом не упал, а когда выпрямился, увидел, что коридор уже изменился: проходы сместились, мишени крутились быстрее, а где-то сбоку что-то щёлкнуло и затрещало.

Он рванул по узкому проходу, пригибаясь, уворачиваясь, чувствуя, как адреналин стучит в висках. В какой-то момент он едва не врезался в движущуюся панель, в последний миг отскочил, и тут же на него сверху рухнул лёгкий тренировочный манекен — не тяжёлый, но достаточно, чтобы сбить с ритма. Бари плюхнулся на пол, перекатился, вскочил, отряхнулся и понял, что остался позади всех.

«Спокойствие, — повторил он про себя, как мантру. — Я спокоен. Я очень спокоен. Прямо как камень. Как очень нервный камень».

Он побежал дальше, стараясь не смотреть на мелькающие панели и мишени, а просто искать путь. Но система будто специально подстраивалась под его ошибки: каждый раз, когда он выбирал проход, тот закрывался прямо перед его носом.

На втором этапе нужно было нажать три кнопки в определённой последовательности, пока вокруг мигали стробоскопы и звучал нарастающий гул. Бари тыкал в кнопки, пытаясь вспомнить порядок, но от мигающего света и шума в голове всё смешалось. Он нажал не ту, система отозвалась недовольным гудком, и из стены выдвинулась ещё одна панель, перекрывая путь.

— Да вы издеваетесь, — пробормотал Бари, оглядываясь.

Впереди мелькнули спины одноклассников — они уже почти закончили маршрут. А он застрял здесь, в этом металлическом лабиринте, который явно считал его личным вызовом.

Третий этап был на реакцию: нужно было поймать падающий диск, не уронив при этом равновесие на узкой платформе. Бари встал на платформу, диск полетел вниз — и в тот момент, когда он уже почти схватил его, платформа под ним дрогнула, качнулась, и он, отчаянно размахивая руками, чудом удержался, но диск улетел в сторону и с громким «дзынь» ударился о стену.

— Ну вот, — вздохнул Бари. — Ещё один пункт в графе «провал».

И тут случилось то, чего не было в сценарии.

Коридор содрогнулся. Где-то сверху что-то лязгнуло, заскрежетало, и одна из массивных панелей начала медленно, но угрожающе опускаться, перекрывая выход. Одновременно с этим система выдала странный, искажённый голос:

— Аварийное отключение. Опасность обрушения. Эвакуация.

Но эвакуация была невозможна — выход перекрывала та самая панель, которая продолжала опускаться с пугающей неторопливостью, будто наслаждалась моментом.

Курсанты замерли, оглядываясь, не понимая, что происходит: это часть теста или настоящая авария?

Громов, стоявший у контрольной панели, быстро пробежал пальцами по экрану, но система не отвечала.

— Сбой питания, — рявкнул он. — Панель не остановить. Нужно найти способ заблокировать её вручную.

Все переглянулись. У кого-то были идеи, у кого-то — паника. А Бари вдруг почувствовал странное спокойствие. Не потому что не боялся, а потому что понял: сейчас не время для идеальных решений. Время для любых.

Он огляделся. Рядом на полу валялась его связка ключей — он выронил её, когда увораживался от манекена. Ключи были обычные: от квартиры, от почтового ящика, один странный ключ, который он вообще не знал, откуда взялся. Но сейчас они выглядели как единственное, что у него было.

— Стой! — крикнул он, хотя никто не двигался. — Дайте мне секунду.

Он подскочил к краю опускающейся панели, прикинул зазор, схватил связку и вставил её в щель между панелью и направляющей — как клин. Металл скрипнул, панель дёрнулась, но остановилась. Бари надавил сильнее, чувствуя, как ключи гнутся, но держат.

— Ещё немного! — крикнул он. — Держите её!

Однотруппники бросились к нему, навалились на панель, удерживая её, пока Громов подключал аварийный механизм. Через несколько секунд система щёлкнула, загудела и панель замерла, оставшись на полпути.

Тишина повисла в коридоре, нарушаемая только тяжёлым дыханием всех присутствующих.

Громов подошёл к Бари, посмотрел на погнутые ключи, потом на него.

— Ты остановил аварийную панель связкой ключей, — произнёс он, будто сам не верил в то, что говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.